

– Ну, что вы, – сказал польщённый Петька. – Зачем же такой шурум-бурум? Как вы говорите? Лёня Караскин? Ладно, попробуем. А теперь покажите, пожалуйста, как это у вас получается? Крыльев у вас ведь, кажется, нету?

Незнакомец застегнул плащ, надел шляпу и протянул Петьке руку. Рука у него была тоже прямоугольная, и, когда он плавно поднялся в воздух и скрылся за пожарной каланчой, которую немухинцы давно решили переделать в телевизионную башню, Петька решил, что он похож на летающие пифагоровы штаны – теорема, которую на днях он с блеском доказал на уроке геометрии, получив первую и единственную в его жизни пятёрку.

ЛЁНЯ КАРАСКИН

Во всех школах всех Воробьёвых зовут просто Воробьями. Что касается Петькиного прозвища, оно как раз не очень подходило к нему, потому что он, как это ни грустно, был трусоват. Но с другой стороны, он был храбро трусоват, потому что однажды, собравшись с духом, пошёл к Старому Трубочному Мастеру, умнейшему человеку, с которым иногда советовался сам Президент Столичной Палаты Мер и Весов.

Старик молча выслушал его, хлопнул по плечу и сказал:

– Трус никогда не сознался бы в том, что он трус. Ты не трус, а Воробей с Сердцем Льва. Ясно?

– Может быть, кто-нибудь в Немухине играет на золотой арфе?

С девочками лучше было не спорить, но немухинец, играющий, как ветер, на золотой арфе, – это была, конечно, реникса, и Петька вместо ответа только подумал, что Таня заважничала, поступив в музыкальную школу.

– А ты не можешь разбудить меня, когда услышишь эти странные звуки? – попросил он.

Таня засмеялась. Она прекрасно знала, что Петьку можно разбудить, только окатив его ведром холодной воды. Тогда он просыпался с криком «Убью!», что было невежливо и опасно. Но всё же они условились: ведро с водой он обещал каждый вечер ставить подле сеновала – он спал на сеновале, – а вместо «Убью!» кричать «Зашибу!», что было всё-таки не так опасно.

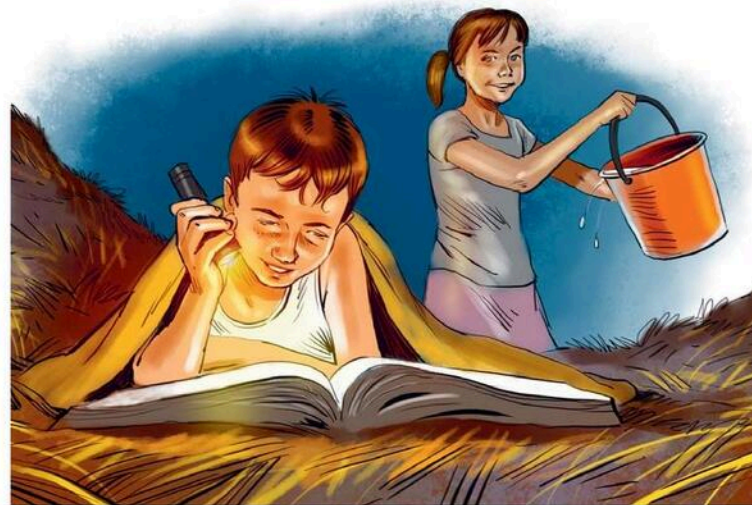
Прошла неделя, другая. Дни были ещё жаркие, а ночи – прохладные, и в городе наступила такая тишина, что было слышно, как рвётся под лёгким ветерком первая сентябрьская паутинка. И вот в такую-то бесшумную ночь Таня, проснувшись, услышала... Трудно объяснить, что она услышала, потому что это были не звуки, а как бы полубытые воспоминания, незаметно переходившие одно в другое.

И хотя Таня условилась разбудить Петьку, она полежала ещё немного, думая о том, как трепещут листья осины, как зелёный, поблёскивающий лиственный дым окружает берёзу и как ровно, важно и плоско качаются на своих длинных черенках молодые кленовые листья.

Потом эти звуки стали влажными, точно по дороге к ней они окунулись в речку, и Таня вспомнила, как она с одной девочкой проплыла поздним вечером по серебряной дорожке, которую по Немухинке проложила луна. Но потом пришлось всё-таки встать и, пройдя босиком на цыпочках через комнату, в которой еле слышно похрапывала мама, спуститься на Нескорую.

Она жила в начале этой улицы, а Петька – в конце. Ведро с холодной водой стояло, как было условлено, у сеновала, и она недолго думая выкатила его на Петьку.

Интересно, что на этот раз Петька мог обойтись и без холодной воды: он не спал, зачитался. На сеновале

Мальчик снова вздохнул, и на этот раз так глубоко, что одна из струн эоловой арфы ответила ему еле слышным звоном.

– Я родился в Летандии, – начал он. – Это остров, о котором в любой географии можно прочесть, что он ничем не напоминает ни Исландию, ни Лапландию. Но нигде не указано, что жители острова умеют летать. Казалось бы, что может быть веселее, чем летать? Однако эта редкая способность уже почти никому не нужна. Летают до крайности редко, да и то по делам.

Очевидно, это было принято в Летандии – говорить так вежливо и длинно, точно читая по книжке. Но Петьку заинтересовало другое.

– Так Летандия – крепость? – спросил он.

– О да! Весь остров – крепость, в которую можно проникнуть только по мосту, висящему на железных цепях. Везде камень, куда ни бросишь взгляд, – с отвращением сказал худенький мальчик. – В гавани – парусные лодки, с которых ветер давно сорвал паруса. Ветряные мельницы не машут крыльями, даже когда начинается шторм. А маяк! У меня нет ни отца, ни матери. Смотритель Маяка взял меня к себе на воспитание, а это человек, который всю жизнь провёл в полном одиночестве, доказывая самому себе, что люди не нужны друг другу и что я, например, нужен только для того, чтобы подливать керосин в маячную лампу. Подумайте не торопясь и скажите, что может быть страшнее? Каждое утро он говорил мне: «Поступай сообразно своим обязанностям».

После обеда: «Никогда не обнаруживай своих чувств». А вечером: «Нет ничего надёжнее прямого угла». Короче говоря, я просто умер бы от меланхолии, если бы однажды не собрался с силами, вспомнив, что я умею летать.

– И улетел?

– Улетел!

– Вот это да! – сказал с восторгом Петька.

Они разговаривали бы до утра, если бы Старый Трубочный Мастер, который просыпался раньше всех в Немухине, не вышел на крыльцо, протирая глаза. Он только сказал:

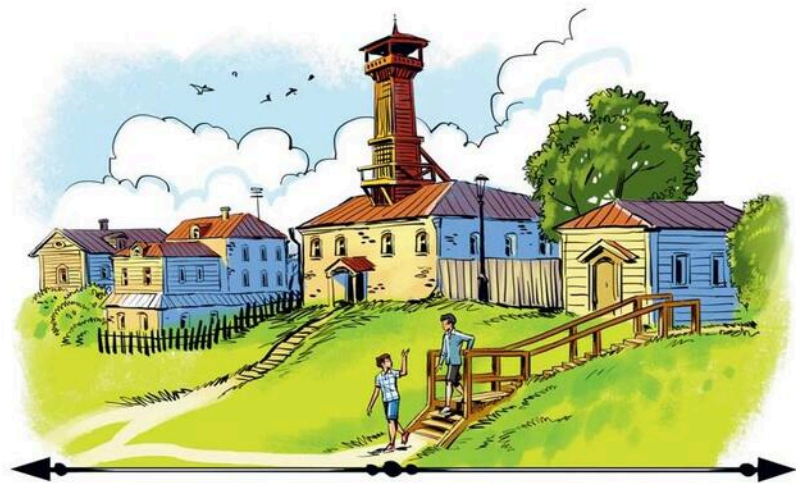
– Кыш!

И они разлетелись.

Кроме того, он говорил, что ты можешь научить меня летать. Как ты вообще смотришь на это дело?

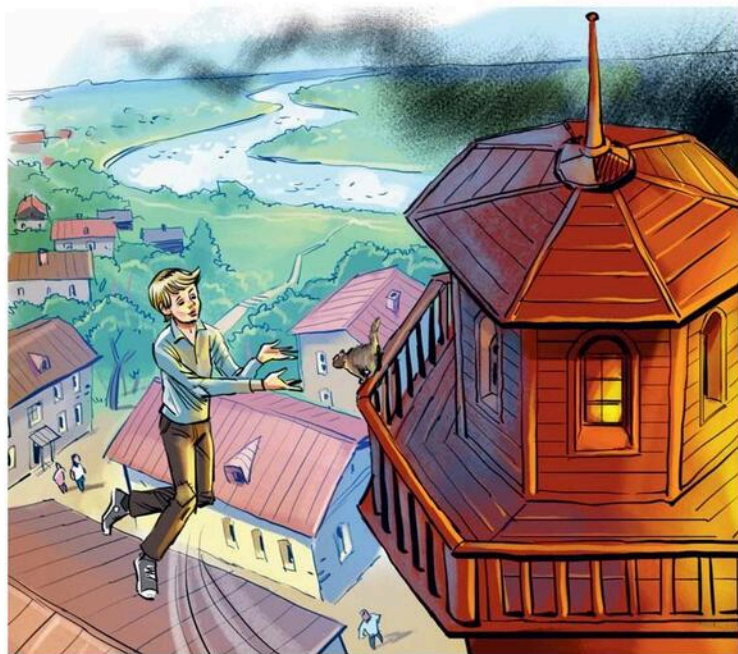
Если бы кому-нибудь пришло в голову изобразить Лёню в эту минуту, вполне достаточно было бы побледневшего носика, беленького хохолка, печально упавшего на лоб, и двух огромных добрых, испуганных глаз.

– Это – Смотритель Маяка! И я уверен, что он давно нашёл бы меня, если бы мог отлучиться надолго. Он не может, потому что надо подливать керосин в маячную лампу. Но никто не захочет заменить его, потому что в Летандии, где все надоели друг другу, он надоел всем больше всех.

ТАЙНА ПОЛЁТА

Теперь стало совершенно ясно, как должен вести себя Лёня Караскин: так, чтобы никто не мог догадаться, что он умеет летать. Больше того, надо было вести себя так, чтобы каждый, взглянув на Лёню, сказал себе мысленно: «Вот парень, который, в лучшем случае, умеет прыгать через верёвочку, как любая девчонка, и, уж конечно, никогда не сумеет взлететь». Но всё это было только полдела. Надо было помочь Лёне помолодеть, то есть научить его разговаривать, как полагается в одиннадцать лет, а не в шестьдесят с лишком.

Изумлён был, разумеется, не только котёнок. Немухинцы утверждали впоследствии, что мальчик летел не как птица, а именно как мальчик, небрежно засунув руки в карманы. Приблизившись к вышке, он сказал: «Кис, кис!» – и котёнок прыгнул к нему, зажмурив глаза. Замечено было также, что мальчик, опустившись на землю, как бы провалился сквозь неё, то есть немедленно и бесследно исчез.

Всё это произошло так неожиданно и скоро, что иные немухинцы стали даже утверждать, что ничего не было – каланча не горела, котёнок почудился, а мальчик не взлетал, потому что это противоречит законам природы. Однако тот самый журналист, который написал статью «Летающие мальчики? Вздор!», немедленно приехал в Немухин и, опросив множество свидетелей, напечатал в центральной газете длинный подвал, в котором доказывал, что если летающие тарелочки – вздор, то летающие мальчики, по-видимому, действительно существуют в природе.

В общем, все были довольны. Немухинцы – тем, что наконец сгорела деревянная старомодная вышка, на месте которой никто не мешал теперь построить телевизионную башню, а Старый Трубочный Мастер – тем, что прославился не чей-нибудь, а именно его котёнок. Недоволен был только Лёня. Более того, на него напала такая тоска, что он совершенно перестал заниматься и схватил по ботанике двойку. Всё, чему его научил Петька, он начисто забыл и стал говорить даже ещё сложнее, чем прежде.

– У меня угнетённое состояние духа, – сказал он Тане и Петьке, – вызванное непредвиденным происшествием, которое может повлечь за собой другое происшествие, ещё более непредвиденное и нежелательное во всех отношениях.

Он хотел сказать, что ему не надо было спасать котёнка, потому что теперь все узнали, что он умеет летать.

надел на правую ногу, а правый – на левую и рассердился, когда я обратил внимание на эту ошибку. Трижды он пересчитал деньги, оставшиеся от покупки керосина. Он велел мне начистить мелом пуговицы на его парадном мундире – это значит, что с минуты на минуту надо ждать возвращения Господина Главного Ветра. Словом, надо лететь. Через четверть часа солнце будет в зените.

Несколько минут всё же пришлось потерять, потому что Трубочный Мастер должен был дать радиограмму: «Вылетаем», а Петька – осколком кирпича вывести на стене: «Привет бабушке, не забудьте полить фикус». В полном снаряжении они вышли на смотровую площадку – и вдруг нежная, слабо-порывистая, напоминающая широкие, летящие шаги музыка окружила их таким плотным кольцом, что они не могли бы, кажется, двинуть ни рукой, ни ногой. Это эоловы арфы возвестили о приближении Господина Главного Ветра. Он пролетел над Маяком так быстро, что Петька увидел лишь его жёлтые развевающиеся волосы и длинные ноги в клетчатых брюках.

– Ровно двенадцать, – шёпотом напомнил Лёня.

Они присели на корточки, крепко обхватили себя под коленками. Но зажмуриться – увы – не пришлось, потому что Смотритель Маяка, в ярко-зелёном мундире, на котором блестели ярко начищенные пуговицы, в новых брюках с зелёным кантом, неожиданно появился на смотровой площадке.

– Вы арестованы, – сказал он ровным, ничего не выражающим голосом. – Более того, я доложу о вашей не-

законной попытке похитить коренного жителя Летандии Господину Главному Ветру.

Он не успел договорить. Петька вскочил и произнёс три слова, которые впоследствии были признаны полуисторическими, потому что ещё никто не произносил их в таком рискованном положении. Он сказал: «Как бы не так!» – и с тридцатиметровой высоты кинулся в море.

Главный Ветер занимался такими пустяками и даже был, строго говоря, обыкновенной няней?

Ходили слухи, что в одной из самых старинных рукописей, которые давным-давно никто не читал, рассказывалось о том, что под Летандией сохранились пещеры, где добровольно или по принуждению оставалось навсегда всё забытое Господином Главным Ветром или то, что он хотел забыть.

«Там течёт подземная река, – шептали друг другу жители Летандии, – а в ней, представьте, водятся пещерные рыбы, которые могут жить только в темноте. Там застыл в воздухе

тёплый солнечный дождь, который не согласился стать холодным и косым, несмотря на приказ Господина Главного Ветра».

Но самый странный слух, которому почти невозможно было поверить, заключался в том, что он в конце концов рассердился на свою мать за её советы и наставления и решил, как это часто бывает с подрастающими

детьми, жить своим умом. Более того, он заключил её в одну из подземных пещер и забыл о ней на целое тысячелетие.

Короче говоря, Господин Главный Ветер был очень неблагодарный, честолюбивый и беспощадный господин.

Он не любил, например, когда жители Летандии начинали думать о себе, а не только о нём. Он был хвастлив – возвращаясь, он собирал всех жителей острова на Площадь Розы Ветров и долго рассказывал им о своих подвигах, почти всегда неприятных. Его не то что боялись, но побаивались, тем более что у него была дурная привычка: если собеседник не соглашался с ним, он вдруг ставил его вверх ногами.

Последняя загадочная фраза объяснялась просто. Дверь на смотровую площадку осталась открытой, и, дождавшись полнолуния, они могли улететь. Но без Петьки они улететь не могли, а от него не было ни слуху ни духу.

Они очень беспокоились о нём, и Таня даже всплакнула. Лёня, пригорюнившись, сидел на груде морских канатов и только безнадежно разводил руками, когда чайки вопросительно заглядывали в окно, надеясь на хлебные крошки. Но после того как Старый Трубочный Мастер разъяснил, что настроение должно соответствовать радиограмме, начинавшейся словами: «Настроение бодрое», Таня и Лёня действительно приободрились, тем более что родному городу, да ещё по радио, неудобно было соврать.

Таня занялась своей скрипкой, Лёня геометрией – предусмотрительный Петька, улетая из Немухина, захватил для него учебник, – когда дверь распахнулась и вбежал Смотритель, зелёный, как его парадный мундир. Зубы у него стучали, и он заставил себя открыть рот лишь после того, как Трубочный Мастер сдвинул очки на лоб и сказал:

– Ну-с?

– Извините, я, кажется, помешал? Но дело в том, что маячная лампа, в которую никто, – он злобно посмотрел на Лёню, – не позаботился своевременно залить керосин, погасла, что случилось впервые за последние пятьсот – шестьсот лет.

– Так-с, – сказал Трубочный Мастер. – И что же?

– Между тем именно сегодня в честь возвращения Господина Главного Ветра я должен был зажечь тройной бело-красно-изумрудный огонь. Короче говоря, мне грозят серьёзные служебные неприятности. Я прошу вас на время забыть о наших неудачно сложившихся отношениях и помочь мне зажечь маячную лампу. Должен предупредить, что вскоре вам снова придётся вспомнить о них, в особенности если вы попытаетесь бежать, после того как окажете мне эту услугу. Наружная дверь Маяка заперта, а ключ надёжно спрятан в моём парадном мундире.

Лёня Караскин был назван «Каскин-Караскин», но это, разумеется, не имело значения.

Смотритель, который был очень любезен, снова надел парадный мундир и даже произнёс маленькую речь о том, как будет скучать по Лёне не только он, но сам Маяк и в особенности маячная лампа.

Семнадцать девочек из самых знатных семей поднялись в воздух, провожая немухинцев, – все, как одна, в нарядных платьях с такими крылатыми разноцветными бантами за спиной, что их можно было принять за вертолёты, если бы вертолёты, в свою очередь, не были похожи

на огромных безобразных шмелей. Но торжественные проводы немухинцев остались в истории Летандии по другой, не менее серьёзной причине.

Все золотые арфы одновременно сыграли им прощальный морской сигнал: «Счастливого плавания и достижений», и аккорды, как бы превратившиеся в живой, звучащий воздух, окружили их и летели вместе с ними, как белые треугольники журавлей.

Девочки со своими бантами давно остались позади, скрылся Маяк. Сама Летандия с её странностями начинала казаться сном или сказкой. Вот уже показался вдалеке и Немухин с его лесами, окружившими будущую телевизионную башню.

Крошечные фигурки на площади взволнованно размахивали руками, толпа становилась всё больше. Экспедицию встречали представители общественных организаций и, разумеется, средняя школа, в полном составе.

Но аккорды золотых арф ещё не оставляли немухинцев, как будто решив проводить их до самого дома. Правда, их не слышал Старый Трубочный Мастер, мысленно готовивший скромную речь. Их не слышал Воробей с Сердцем Льва, который не мог отличить музыку от обыкновенного шума. И Лёня не слышал их, думая о том, что он, без сомнения, здорово отстал по алгебре и геометрии и что придётся как следует налечь на эти предметы.

Зато Таня не только слышала, но даже видела эти аккорды. Для неё они складывались в изящные фигуры,

рисующие соединение лунной ночи, тишины, тёплого неба и холодно-искрящейся поверхности моря.

Вполне возможно, что она и теперь ещё слышит и видит их – ведь о музыке нельзя сказать: «Что прошло – то прошло».

Во всяком случае, именно о ней говорят:

– Таня Заботкина? Ну как же! Это та самая знаменитая скрипачка, которая в детстве слышала музыку эоловых арф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Летающие мальчики? Вздор!»	3
Прямоугольный Смотритель	5
Лёня Караскин	11
Стоит подумать	22
Тайна полёта	29
Воробей с Сердцем Льва	41
Что прошло – то прошло	52
Всё будет тип-топ	56
Вылет возможен, но невозможен	65
Загадки	74
Прости меня, мама	77
Странности, сказки и сны	83

Каверин, В. А.

К12 Летающий мальчик : повесть-сказка / Вениамин Каверин ; худож. Вячеслав Кривенко. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2025. – 88 с. : ил. – (Если веришь в чудеса...).

ISBN 978-5-00198-461-0

Известный советский писатель Вениамин Каверин (1902–1989) утверждает, что «в жизни нет ничего опаснее скуки». События в повести-сказке «Летающий мальчик» происходят в тихом городке Немухине. Там живёт обыкновенный школьник Петя Воробьёв, который не верит в чудеса. По крайней мере до тех пор, пока в огород к нему не прилетает незнакомец из далёкой страны Летандии. Эта встреча полностью меняет Петину жизнь. Его ждут новые друзья, долгое путешествие на край земли и опасное противостояние с могущественным Главным Ветром.

Для младшего школьного возраста.

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос)